

АЛЕКСЕЙ
ТОЛСТОЙ

ПОД ВОДОЙ

Москва
T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т53

Толстой, А.Н.

Т53 Под водой/ А.Н. Толстой. – М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. – 194 с. – (RUGRAM-КЛАССИКА).

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Алексея Николаевича Толстого «Под водой».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

ПОД ВОДОЙ	5
ПОДКИДНЫЕ ДУРАКИ	33
РАССКАЗ ПРОЕЗЖЕГО ЧЕЛОВЕКА	56
РАССКАЗЫ ИВАНА СУДАРЕВА	68
I. Ночью в сенях на селе	68
II. Как это началось	71
III. Семеро чумазных	80
IV. Нина	93
V. Странная история	98
VI. Русский характер	114
РОДИНА	124
СЛУЧАЙ НА БАССЕЙНОЙ УЛИЦЕ	134
СОЖИТЕЛЬ	150
ТУМАННЫЙ ДЕНЬ	171

ПОД ВОДОЙ

1

«Милый друг, вы оказались правы, я — просто искатель приключений. Понял это сию минуту за письмом к вам, в кабачке, на краю стола, залитого джином. Сколько здесь надписей, вырезанных ножами, — любовные признания и клятвы на всех языках! Напротив меня сидит Тоб, первая красавица в гавани, черная и злая, как обезьяна. Тянет через соломинку ликер, то поправляет гребенки, то с яростью одергивает кофточку; платье на ней шелковое и краденое, поэтому узко. Она сказала, что, если я ее брошу, будет беда.

На рассвете я выхожу на подводной лодке, в арьергарде субмарин¹. Лодочку мою зовут «Кэт». Наконец-то я попадаю на дно моря. А вы странствуете по иным местам, более призрачным, и только.

Помните год назад нашу беседу в подмосковном парке? Куковала кукушка, и запах меда был повсюду — с полян, от лип и вашего платья. Вы сказали, что есть две породы людей, как ночь и день в вечном круговороте: одни ищут покоя, другие — волнений. Как видите, я второй породы.

За этот год я исколесил полсвета. На три месяца приземлился в этой гавани, где дерусь на кулачках из-за Тоб, воору-

---

¹ *Субмарина* — подводная лодка.

жаю лодку и вот в такие ветреные ночи, перед пустой бутылкой от джина, начинаю отчаянно желать приключений...
Ау, Татьяна Александровна...

До рассвета еще далеко, но если погода не переменится, нас потреплет. За окошком видна вся гавань, в лужах и дождевых пузырях. Качаются фонари. Ветром сорвало брезент с целой горы мешков. Пляшут огни на мачтах. Завывает сирена, как обманутая дева. Ветер и дождь гонят по мостовой пьяненького матроса в резиновом плаще.

Тоб говорит, что если бы умела, то написала бы вам, что я скот. Она вырывает у меня перо».

Без огней и сигналов субмарины вышли в открытое море. Ровно в половине четвертого Андрей Николаевич поднялся на мостик «Кэт»; матросы и два помощника спустились внутрь лодки.

Огромные тучи, озаренные огнями гавани и уже пропитанные бледным рассветом, грудились над портом и морем. Резкий дождь хлестал в стекла и стены кирпичных домов, по бочкам с керосином, по брезентам, покрывавшим мешки, шумел вязами сквера, барабанил по стальной обшивке лодки и лепил к спине Андрея Николаевича плащ.

Неподалеку за завесой дождя краснело окошко кабачка. Там все так же за окном, с края стола, сидела Тоб, оперши острый подбородок о кулачки.

Андрей Николаевич усмехнулся радостно и тревожно: он снова покидал навсегда и этот берег. В жизни не было слаще чувства разлуки и свободы.

Он взглянул на часы и скомандовал полный ход. Остов «Кэт» задрожал, и она скользнула навстречу пологим волнам, покрытым бликами огней и прибрежным мусором.

Огни гавани, холодеющие в утреннем свете, остались далеко позади, погрузились в воду и скрылись. Дул резкий ветер. Наискосок, навстречу ходу, поднимались валы и обрушивались за лодкой.

Обрывки облаков проносились над пеной океана. Внезапно в разорванной длинной щели появился бугор солнца. Протянулись вверх и в стороны широкие лучи. Море стало зеленым. Заблестела сталь на мокром мостике.

Теперь вогнутая поверхность набегающей волны казалась прозрачной, как стекло. «Кэт» подлетала под ее покров и одним взмахом возносилась на бурлящий гребень, наклонялась затем и скользила вниз. Винт дрожал в воздухе, грохотала рухнувшая справа громада. Впереди, у края неба и воды, покачивались две радиотелеграфные мачты передней субмарины.

Из нутра «Кэт» появилось безусое лицо старшего помощника, Яковлева.

— Андрей Николаевич, пора, — сказал он, подняв брови, — у нас у всех голова кругом. Какой приказ?

Он вылез на мостик и закурил. Андрей Николаевич определил секстантом¹ положение судна, расстегнул куртку и достал конверт с пятью красными печатями. На нем были обозначены долгота и широта, где вскрыть тайный приказ. Он сломал печати и, прикрыв от ветра плащом, развернул тонкий листок. В нем стояло краткое и невероятное приказание — идти... в Ганге, через Скагеррак и Зунд.

Яковлев проговорил упавшим голосом:

---

¹ *Секстант* — астрономический угломерный инструмент, применяемый для определения местонахождения судна.

— Андрей Николаевич, куда же мы на рожон полезем?

— Это не ваше и не мое дело.

Передав командование, Андрей Николаевич спустился по отвесной лесенке в узкий коридор, куда выходили каютки. С потолка матовые полушария освещали выкрашенные в белое железные стены, линии медных труб, ряды заклепок, провода, тяги и толстый половик на полу.

Теплый сладковатый воздух, налитанный запахом бензина и масла, сильными струями пронесся над головой. Шумели вентиляторы, и глухо и мерно, как пульс, работал мотор.

Конец коридора с дверью в машинное отделение то возносился, то падал вниз. Придерживаясь за стены, Андрей Николаевич вошел в каюту с тремя, одна над другой, койками. На самой верхней спал второй помощник, Белопольский, качаясь, как в люльке. Лицо у него было восковое от плохо залеченной лихорадки. Вдоль наружной выгнутой стены журчали водяные струи. Свежий ветерок подавался снизу, отдувая угол карты на столе, шевеля волосы спящего. Спертый воздух высасывался через решетку в сферическом потолке, залитом сильным электрическим светом. На откидном чистеньком столе стояла початая бутылка коньяку.

Андрей Николаевич, посвистывая, присел к столу и обхватил колено. Приказ был выполнен, конечно, но с большим риском. Известно, что субмарина, погружаясь в воду, оставляет на поверхности перископ — свой глаз, всегда заметный днем по водяному следу. Опускаясь еще глубже, то есть скрываясь совсем, лодка оказывается слепой и идет ощупью, по компасу, рискуя налететь на мель, на рифы. Но в сравнении с лодками старой конструкции у «Кэт» было преимущество: в носовой части ее находились особые опти-

ческие иллюминаторы, уничтожившие преломление воды. Поэтому «Кэт» не была слепой, даже погрузившись на значительную глубину. На эти иллюминаторы Андрей Николаевич и рассчитывал, обдумывая трудное прохождение через проливы, занятые неприятельским флотом.

В каюту вошел вахтенный Курицын, широкоскулый, плотный матрос, доложил, что требуют к телеграфу. Радио было запросом, прочтен ли приказ? Андрей Николаевич ответил шифром:

«Есть. Идем согласно приказу».

Двое суток «Кэт» ныряла в волнах. Прочная и быстрая, соединенная голосами со всем миром, она веселила сердце Андрея Николаевича. Ему не представлялось, как можно разрушить такое сокровище ударом мины или бомбы, и у «Кэт», казалось, есть более высокое назначение, чем топить корабли.

Команда, выходявшая по очереди на палубу, покуривала после духоты кают на легком ветру. Дни стояли ясные, и множество рыб разлеталось перед лодкой, подскакивало на гребнях.

Курицын ухитрился ловить рыбу сачком на ходу. Матросы гоготали, глядя, как он, засучив штаны, доходит до самого края лодки, запускает сачок, вытаскивает и по вновь опускающемуся носу бежит обратно и вертится как бес.

Появились дельфины и погнались за лодкой. Из зеленой воды, из-под самого носа, выскальзывали они крутым побегом на воздух, опустив хвост, описывали дугу и вновь погружались без плеска. И с боков, сзади, повсюду вертелись, как колеса, их скользкие коричневые тела с белыми животами.

Днем Андрей Николаевич спал или сидел на телеграфе. Закрыв глаза, откинувшись на стуле, он слушал обрывки до-

несений о боях в Шампани и на Западной Двине, на границе Австрии, в Дарданеллах.

Весь мир сосредоточился в тиканье, долгом и коротком, в шорохе и шуме аппарата. Прошлое — земля и встречи — было как сон, будущее упиралось в мины. Не осталось ни страха, ни радости, ни сожаления — только вода, стальная эта коробка, набитая, как сардинами, людьми, да черточки беспроволочного телеграфа в мозгу.

Когда склянка была к ужину, Андрей Николаевич поднимался на мостик, сменял помощника, надвигал картуз на глаза и с удовольствием отмечал, что все на том же расстоянии на границе неба и воды покачиваются две коротких мачты.

Море было лиловым. След от лодки по водяным буграм отливал багровым стеклом. Закатный свет заливал полнеба. Из раскаленных туч выскользнуло солнце, сплюснулось и медленно кануло в море.

А на востоке уже возникало небольшое зарево, будто от горящего корабля, поднималась луна, оранжевая и огромная. Когда, линия, бледнея, светясь все ярче, достигла она звезд, по воде побежал серебристый след. Эти минуты были тяжелыми для Андрея Николаевича. В его уверенном спокойствии начинала дрожать нестерпимая какая-то жилка. От таких ненужных вещей, как закат, начинал он чувствовать, что не все еще испытано или самое важное, самое нужное впереди.

На третий день, после полудня, Андрей Николаевич вышел из телеграфной рубки и приказал готовиться к спуску. Команда стала к аппаратам, нагнетающим воду. Осмотрели кислородные резервуары, озонаторы, опреснители, все люки. Артиллеристы прошли в минное отделение. Было приказано по возможности лежать, двигаться как мож-